

Что касается двух других погибших учеников, они оба были из семей крупных торговцев, в школе занимали среднее положение. Они были хорошими друзьями, часто вместе делали домашние задания, читали или рисовали. Но кроме друг друга, они ни с кем не враждовали и ни с кем особенно не дружили.

Что именно произошло в день трагедии, никто из девяти слуг не знал. В тот день ворота северного корпуса до обеда так и не открыли. Многие слуги обсуждали это, и только после обеда, когда пришла полиция, взяла под контроль северные ворота и вызвала слуг на допрос, они узнали об отравлении.

Надо сказать, что только группа слуг, необъяснимо запертая так долго, могла сохранять спокойствие.

По сравнению с теми четырнадцатью медиками, слова этих девяти слуг были более достоверными.

- Я помню... в вашем рапорте было указано, что больница получила уведомление только после обеда, верно?

- Да, - ответил Надевей. Он тоже это заметил, и его лицо помрачнело.

Раз они поняли, что что-то не так, только после обеда, то почему заперли слуг ещё в обед? Ведь врачи и медсёстры только что сказали, что они осознали серьёзность ситуации только после обеда, когда у всё большего числа учеников появились симптомы, а состояние троих погибших ухудшилось.

И ещё... что насчёт тех слуг, которые накануне ухаживали за своими хозяевами в медпункте?

- В ночь перед происшествием кто-нибудь из слуг оставался в школе ухаживать за своими хозяевами? - спросил Орвицка.

- Да. - Нет, вроде. - Я знаю, что Фибилла выгнали, он очень беспокоился о своём хозяине.

Слуги немного поспорили. В основном они не обращали внимания на других слуг, если только не получали приказ от хозяина. Но двое из них всё же были в курсе событий. Оказалось, что школа начала действовать не только в обед того дня, но и накануне вечером.

- Позовите, пожалуйста, ещё раз двух врачей.

Врачи снова пришли. Было уже почти полночь, и они выглядели смертельно уставшими.

- Господин офицер, сейчас не самое подходящее время для джентльменской беседы.

- Вы давно знали, что ученики отравлены, не так ли? - Орвицка проигнорировал их протесты и задал вопрос в лоб.

- Как вы смеете так нас обвинять?! - Это ужасное, беспочвенное предположение!

Два врача мгновенно проснулись и в один голос запротестовали.

- Господа, ошибиться в диагнозе из-за редкого случая отравления и тем самым задержать лечение - это ещё можно понять и простить. Если бы вы из-за этого пострадали, я бы даже посочувствовал вам. Но если вы, зная, что происходит в этой школе, молчали, потворствовали и даже скрывали правду, что привело к обострению ситуации, гибели троих детей и

отравлению более двухсот человек, то, я думаю, вас обоих ждёт только виселица.

- Вы только послушайте, что он говорит! Начальник Надевей, вы будете смотреть, как этот чужак клеветает на невинных, уважаемых хикклинцев?! – один из врачей, указывая на Орвицку, громко возмущался.

Надевей... достал наручники:

- Господа, вы будете давать показания здесь, или мы пройдем в камеру допросов в полицейском участке?

Два врача отступили на шаг. Один из них отчетливо сглотнул.

- Мы ничего не знаем. - Эта клевета ужасна, как мы могли допустить, чтобы ученики пострадали?

Надевей подошёл к одному из врачей, схватил его за руку и резко прижал к стене (раздался глухой удар!), заковав ему руки за спиной.

Хотя Надевей был уже немолод, его хватка не ослабла.

- Вы не можете так с нами обращаться! Директор этого не позволит! Вас накажут!

Врачи только осмеливались протестовать, но поднять руку на начальника полиции Хикклина не решались. Надевей поочередно надел на них наручники и вывел наружу. Медсёстры, стоявшие в ряд у стены, с ужасом смотрели на них. Когда Надевей сказал: "Отведите их всех в участок", их реакция была ещё более бурной, чем у врачей.

В Хикклинне женщин держали в ежовых рукавицах, почти как в Цинской империи. Независимо от того, были ли медсёстры замужем, попав в тюрьму, их ждала ужасная участь.

Весь коридор наполнился криками. Троица из Рыбьего Хвоста, которая собиралась выйти вслед за Надевеем, как по команде остановилась, отступила на шаг и закрыла за собой дверь.

- ... - Надевей, который тоже хотел было отступить и переждать.

- Крики на улице прекратились, - сказал Далиан.

- Так быстро?

Дверь была плотно закрыта. Дверь в актовый зал была из толстого дерева и хорошо поглощала звук, так что Орвицка ничего не слышал, а вот Далиан и Анка - слышали.

- Кажется, пришёл директор. Я слышал, как кто-то взволнованно кричал: "Господин директор".

Дверь открылась, и действительно, директор Мердок, расталкивая толпу, вошёл внутрь. Он стоял лицом к лицу с начальником Надевеем.

- Что вы делаете?! Свет! Что вы делаете?! Я слышал крики дам! Как начальник полиции, обязанный защищать всех хикклинцев, вы не стыдитесь своих поступков?!

- Почему вы в день происшествия в обед закрыли северные ворота? Почему накануне вечером выгнали всех слуг, ухаживавших за учениками, в северный корпус? Что вы знали заранее? Как директор, вы допустили отравление более двухсот учителей и учеников, сорок с лишним из

которых до сих пор мучаются от яда, а трое невинных детей погибли! Теперь я хочу спросить вас: как директор, обязанный защищать жизни детей и давать им знания, вы не стыдитесь своих поступков?!

- Что значит "заранее закрыл северные ворота" и "выгнал слуг в северный корпус"? Я ничего не знаю. Если вы что-то обнаружили, то вам следует допросить тех, кто это сделал. Например, тех разнорабочих, которые не открыли ворота в обед! А что касается выдворения слуг, то вам следовало бы вежливо спросить. Господа, дамы, кто предложил выгнать слуг?

- Изначально те слуги должны были остаться, чтобы ухаживать за своими хозяевами и облегчить нашу ношу, - сказала та самая пожилая медсестра номер один. - Но в тот день кто-то украл... одежду одной из наших медсестёр, а другие слуги прикрывали его. Нам ничего не оставалось, кроме как выгнать их всех!

Медсестра закрыла лицо руками:

- О, Свет, как мне не хочется говорить об этом позорном деле, но чтобы смыть с себя пятно позора, я вынуждена.

- Свет! Сударыня! Вы лжёте перед лицом священнослужителя?! - Мы не крали ничьих вещей, ни в школе, ни где-либо ещё! - Свет всё видит!

Слуги, которые тоже были в коридоре, тут же зашумели. С них ещё не сняли подозрение в отравлении, а теперь на них ещё и пытаются повесить кражу женской одежды. Даже если они не были среди тех, кого выгнали той ночью, они всё равно были "слугами школы-пансиона Кортак", и они должны были встать на защиту своих, иначе им грозила смерть.

- Они - воры! - Грязные воришки! - Всех повесить!

У обеих сторон не было никаких доказательств, и, конечно, для хикклинцев слова медсестёр и врачей были более убедительными. Теперь не только обычные полицейские начали смотреть на слуг с враждебностью и подозрением, но даже Надевей бросил взгляд на Орвицку.

- У какой именно дамы украли одежду? - спросил Орвицка.

Медсестра номер один свирепо посмотрела на Орвицку:

- Вы хотите довести молодую девушку до смерти?

- А вы хотите одним словом довести до смерти более шестисот слуг в северном корпусе? И ещё, вы говорите, он украл одежду... - Орвицка поднял руку и подозвал слугу Оливару. - Господин Дейн, подойдите, пожалуйста.

Оливар мгновенно подбежал к Орвицке:

- Посмотрите на этого господина и его товарищей. Они все одеты так. Когда они приходят ухаживать за своими юными хозяевами, они не надевают ничего лишнего. А теперь посмотрите на одежду дам. Как вы думаете, где они могли бы спрятать такую вещь, чтобы её не заметили?

Медсестры носили чёрные длинные платья с длинными рукавами, которые доходили до самых лодыжек. У них были большие белые отложные воротники и белые манжеты. Головные уборы напоминали монашеские, только были короче.

А женское бельё того времени было совсем не таким, как современное на Голубой планете. Оно было слитным: сверху – корсет, а снизу – панталоны с манжетами в виде фонариков. Некоторые панталоны были короткими и требовали чулок с подвязками, а некоторые доходили до щиколоток.

В общем, и верхняя, и нижняя одежда были громоздкими, а нижнее бельё было ещё и более объёмным, чем верхнее, и торчало во все стороны.

А слуги-мужчины в это время года не носили пиджаков, так было удобнее работать. И камердинеры, и разнорабочие, и прачки носили рубашки и брюки. Разница была лишь в том, что кто-то носил подтяжки, а кто-то – жилетку.

Если бы они украли женскую одежду, куда бы они её спрятали?

Не нужно было обыскивать, всё было видно и так.

- Вы же не скажете мне, что они просто оторвали кусок ткани и засунули его себе под одежду? Или они украли гигиеническую повязку? Но, дамы, вы сами-то сможете найти гигиеническую повязку своей подруги?

Все медсёстры побагровели, а у той самой медсестры номер один на глазах выступили слёзы.

Что касается присутствующих мужчин-хикклинцев, включая Надевея, их взгляды забегали по сторонам.

- Я не пытаюсь вас унижить, сударыня, – Орвицка спокойно посмотрел на неё. – Менструация – это нормальное физиологическое явление. Если бы у моей матери не было менструации, нас, мужчин, здесь бы не было, – он улыбнулся и посмотрел на мужчин. – Те, кто считает менструацию грязной, вы ведь родились из того же места, что и менструация. И ваши потомки тоже. Если вы можете обнимать своих детей и целовать их в щёки, почему вы считаете менструацию чем-то грязным?

Медсёстры были удивлены. Медсестра номер один, стоявшая напротив Орвицки, даже не могла закрыть рот. Кто бы мог подумать, что мужчина скажет такое?

А что касается лиц мужчин-хикклинцев... очевидно, слова Орвицки сильно подействовали на старых консерваторов.

- Дамы, по сравнению с менструацией, лжесвидетельство, клевета на невинных, сокрытие правды и лишение родственников погибших возможности узнать правду – вот что по-настоящему грязно.

- ...

Медсестра номер один, которая до этого всегда смотрела Орвицке прямо в глаза и лгала не моргнув, впервые отвела взгляд.

- Абсурд! – директор подошёл прямо к Орвицке и закричал. – Абсурд! Отвратительно! Вы снова и снова произносите это грязное слово! И сравниваете священное рождение жизни с этой... этой мерзостью! Еретик! Иной!

Но этот тип был слишком мал для Орвицки. Его рост был, вероятно, меньше метра семидесяти, и, чтобы спорить с Орвицкой с близкого расстояния, ему приходилось задирать голову.

- Какие ещё у вас есть оправдания, чтобы говорить, что вы не знали? Вы хотели сделать слуг козлами отпущения? Но если вы и дальше будете молчать, вы сами станете козлами отпущения.

- В тот день мы уже знали, что состояние учеников – это не болезнь, а отравление! – выступила вперёд молодая медсестра.

- Тиффани! – её коллега схватила её за руку, а медсестра номер один уставилась на неё широко раскрытыми глазами.

Тиффани оттолкнула руку коллеги и, указывая на директора, сказала:

- Разве не так?! Вы до сих пор думаете, что этот развратник сможет нас защитить?

- Ты... – споривший с Орвицкой директор в ярости повернулся к медсестре. Он замахнулся, чтобы ударить её, но обнаружил, что не может опустить руку. Далиан схватил его за запястье. Он неловко повернул голову, чтобы посмотреть на Далиана. – Как ты смеешь трогать... а-а-а!

Высокий королевский полицейский просто вывернул ему руку. Все отчётливо услышали щелчок.

Директор закричал от боли, хватаясь за руку:

- Этот еретик! Этот недочеловек только что напал на меня! Схватите его! Вышвырните его из Хикклина!

Директор был не просто директором, а ещё и священником Церкви Белдона. В теократическом Хикклине священники занимали высокое положение.

- ... – реакция полицейских Хикклина разделилась. Одни стояли в растерянности и нерешительности, не зная, что делать. Другие сделали небольшой шаг вперёд, их руки уже лежали на наручниках, но, встретившись взглядом с Далианом, они тоже засомневались и посмотрели на Надевею, ожидая его дальнейших распоряжений.

- Вы хотите нарушить учение? Хотите... – Надевей подошёл и ударил директора по лицу.

Директор, который громко кричал, от внезапного удара прикусил себе язык. Он что-то мычал, прикрывая рот, полный боли и недоумения.

- Что бы он вам ни обещал, я вам скажу, он вас не спасёт, – Надевей наконец-то проявил свою власть как начальник. – На самом деле, если вы будете молчать, пострадаете только вы сами. Эти королевские полицейские, приехавшие на помощь, – последняя попытка Хикклина выяснить правду. Если и они ничего не найдут, то вам всем конец. Включая отца Мердока. Но он не разбирается в медицине, он всегда слушал ваши советы, так что его просто отзовут в церковь, и, возможно, через некоторое время его отправят в другой приход в качестве священника. А вот какая участь ждёт вас, думаю, мне говорить не нужно.

- Нет... у-у... это не дело школы, это всё дело тех слуг, с нами, у-у, ничего не будет... – священник, с полным ртом крови, всё ещё пытался убедить медиков.

- Мы давно заметили, что что-то не так. "Простуда" ограничивалась узким кругом лиц и часто повторялась. Ученики, пробывшие в медпункте два дня, выздоравливали, а как только возвращались на занятия, на следующий же день снова заболевали. Сначала врачи

подозревали, что ученики контактировали с отравленными предметами, но после проверки ничего не нашли. Мы заменили много общих предметов, а те, что нельзя было заменить, накрыли чехлами, но ученики всё равно часто обращались в медпункт. Доктор Тодд несколько раз говорил директору, что это не случайно, что, скорее всего, в школе кто-то травит учеников, но его уволили, – сказала медсестра Тиффани.

Орвицка посмотрел на Надевея. Тот, кто только что так праведно убеждал других, тут же покрылся холодным потом. Он и не знал, что одного из врачей уволили.

- Директор сказал, что нельзя, чтобы кто-то узнал, что в нашей школе травят. Это приведёт к наказанию со стороны районного совета, и нас могут даже выгнать из Хикклина, – заговорила и медсестра номер один. Это была хорошая новость, ведь как лидер медсестёр она наверняка знала больше. – Учителя тоже знали. Им было велено осторожно искать отравителя...

Следуя примеру медсестры номер один, заговорили и другие медсестры, и врачи. Директор пытался их остановить, но Надевей просто запер его в соседнем актовом зале – Анка осталась его охранять.

В конце прошлого месяца уже возникли подозрения, что с учениками что-то не так. Но тогдашние методы проверки были далеки от современных на Голубой планете, где можно было просто взять мазок и отправить его в лабораторию. Врачи и учителя могли полагаться только на свой нюх, что, разумеется, не дало никаких результатов.

Но после того как в школе были проведены различные реформы, а ситуация не только не улучшилась, но и усугубилась, стало очевидно, что это дело рук человека.

И хотя директор уволил того доктора Тодда, он не был дураком. Он прекрасно понимал, что если ситуация ухудшится, кто-то умрёт, или если ученики, а за ними и их родители, поймут, что это не болезнь, а отравление, то школе несдобровать.

Поэтому он тоже решил действовать и найти отравителя.

Его метод заключался в том, чтобы максимально сузить круг подозреваемых, поэтому он первым делом выгнал слуг в северный корпус и даже не открывал северные ворота на следующий день в обед.

- ...Директор сказал, что после того, как слуга некоторое время проведёт в заключении, он, возможно, испугается и прекратит травить, и тогда всё будет как будто и не было.

- Но в тот день заболело ещё больше учеников.

- У некоторых даже в столовой начались судороги.

- Ужасно...

- Мы все понимали, что ситуация ухудшилась.

- Я хотел вызвать рвоту у того бедного ребёнка, господи. Я уже поднял его... – один из врачей в этот момент разрыдался. – Но директор остановил меня. Он сказал, что это простуда, а зачем при простуде вызывать рвоту?

Кто-то подошёл его утешить, но слёзы этого человека не тронули Орвицку – сейчас он плачет? А всё это время он молчал.

- Столовая?

- Да, четвёртый "А" и пятый "Б" в то время обедали в столовой.

Орвицка нахмурился. Надевей тут же сказал:

- Мы проверяли, еда в столовой действительно не была отравлена. И у всех учеников были симптомы отравления, многие из них ещё даже не обедали.

Не обедали, но отравились...

Орвицка повернулся к слугам:

- Скажите, как поступают с остатками еды в школе?

- Часть отдают нам и разнорабочим. - Если что-то остаётся, выносят на улицу и раздают бродягам.

- В тот день вы ели?

- Нет, в тот день мы не обедали.

- О... - Орвицка повернулся к медикам. - Скажите, еда, которую проверяла полиция, была действительно тем, что ели ученики в тот день?

- ...

Когда они лгали, никто из них не отводил взгляда от Орвицки, они смотрели на него твёрдо и уверенно. Но после того, как они так много рассказали, они начали избегать его взгляда.

- Вы дали нам поддельную еду?!

- Мы выбросили часть еды в канализацию, приготовили заново выброшенное, и только потом директор послал за помощью в больницу Святой Троицы, - сказала медсестра номер один. Она, обычно такая уверенная, теперь стояла с красными щеками, полная стыда. - Но... но у всех учеников были симптомы, так что, выбросили мы еду или нет, это уже ничего не меняло.

Похоже, именно потому, что и у других учеников начали появляться симптомы отравления, они и прекратили уничтожать еду.

Молодые полицейские Хикклина с удивлением смотрели на этих людей из школы. Надевей, открыв и закрыв рот, с широко раскрытыми глазами отворил дверь в малый актовый зал, подошёл к директору и схватил его за рясу:

- Ты смотрел, как эти дети умирают?! Смотрел, как они мучаются?! Ты и не позволял врачам их лечить, и затягивал время, чтобы они не получили другую помощь?!

- Нет, что бы они ни говорили, они тоже лгут, они просто хотят свалить всю вину на меня. Я ничего не знал, я думал, что дети просто простудились. Я невиновен! Какие ужасные вещи они говорят!

Его поведение окончательно вывело Надевею из себя. Он замахнулся и ударил директора кулаком по его болтливому рту, второй удар пришёлся в глаз, третий - в нос!

Всего три удара, и Надевей уже тяжело дышал. Он не устал, он был в ярости. Он мог бы продолжать так целый день, но нельзя было. Жизнь этого типа нужно было сохранить, и он должен был говорить.

Надевей бросил директора на пол, отряхнул с рук кровь и вышел из малого актового зала.

<http://bllate.org/book/17916/1715913>